

Завершает книгу «Библиографический список опубликованных работ М. Б. Руденко», составленный Л. Н. Карской, и послесловие А. Л. Грюнберга, в котором выражены любовь и уважение к памяти М. Б. Руденко.

Ж. С. Мусаэлян

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Н. Г. Краснодарская. Традиционное мировоззрение сингалов. М.: Наука, 1982. 213 с.

В последние годы возрос научный интерес к проблемам идеологии стран зарубежного Востока. Уникальной чертой социального развития стран этого региона является устойчивость культурных традиций, что открывает перед исследователем широкие горизонты для обобщений, позволяющих всесторонне оценить сложные явления в общественной жизни развивающихся государств. Изучение традиционного мировоззрения народов Востока является первостепенной задачей советской науки и в силу того исторически сложившегося обстоятельства, что идеологическое наследие нередко использовалось и используется по сей день как действенное орудие политической борьбы, в которую активно вовлекаются освободившиеся от колониального гнета страны Азии и Африки. Выход в свет книги Н. Г. Краснодарской «Традиционное мировоззрение сингалов» представляется как нельзя более своевременным. Описание живых народных культов и установившейся в течение веков буддийской обрядности приводит автора к обоснованным заключениям относительно многосоставной, комплексной системы религиозно-магических представлений сингальского народа. Актуальность избранной для исследования проблемы подчеркивает тот общеизвестный факт, что религиозное мировосприятие и в настоящее время является духовной доминантой в идеологическом климате стран Южной и Юго-Восточной Азии. Н. Г. Краснодарская демонстрирует глубокую эрудицию в вопросах истории государства Шри Ланка, знание его древней литературы и искусства, и это естественным образом расширяет базу авторских обобщений. Благодаря этому значение монографии выходит за рамки сформулированных в ней задач и приобретает особую ценность для исследования широкого географического ареала, культурное развитие которого в течение столетий так или иначе было сопряжено с влиянием одной из мировых религий — буддизма.

Система мировосприятия современных сингалов представляет собой сложный синтез буддийских представлений, укоренившихся на ланкийской почве более двух тысячелетий тому назад, и народных верований, нашедших отражение в повседневной культово-обрядовой практике. В кратком очерке, освещающем основные этапы истории сингальского народа, обращено внимание на существовавшую с ранних времен неоднородность этнической ситуации на Ланке, обусловившую в известной мере комплексный характер ее современных духовных ценностей. Сохраняющее черты глубокой традиционности мировоззрение сингальского общества сложилось в целом под непосредственным влиянием индийской (особенно южноиндийской) культуры, прошедшей процесс многовековой адаптации в русле развивавшихся местных культурных традиций. В многомерном комплексе религиозно-магических представлений и ритуальной практики ланкийцев выделяются как самостоятельно значимые четыре структурно-однотипных культа: 1) ритуальные действия, связанные с верой в духов и демонов; 2) почитание астральных божеств; 3) обычаи и обряды, сформировавшиеся вокруг образов так называемых богов-покровителей; 4) буддийский культ, занимающий особое положение в духовной жизни сингалов, поскольку буддизм в течение многих столетий был и ныне остается государственной религией Ланки. В методологическом отношении удачно распределено по соответствующим главам описание каждого из основных культов по четко намеченным параметрам: основные фигуры пантеона, храм или его субститут, функциональная закреплённость жреца и характерные формы ритуала. Исчерпывающую полноту исследованию сообщает привлечение информации о синкретических обрядовых формах — праздничных церемониях и ритуальных играх, а также обрядах жизненного цикла, сопровождающих кардинальные моменты человеческого существования, и обрядовых действиях, связанных с сельскохозяйственным циклом.

Демонический культ, характеризующийся аморфностью пантеона, отсутствием выработанной иерархии мифологических фигур, не имеет стационарного храма. Функционально ему соответствует строгая локализация ритуальных церемоний. Определяющие их содержание элементы экстатической практики (включение в ритуал танцев, воскурений как средств достижения верующими особого состояния) позволяют Н. Г. Краснодарской соотнести современный сингальский культ духов и демонов с шаманскими культами (с. 37) — сопоставление чрезвычайно важное в свете проблемы истоков мировой цивилизации. Интересно замечание автора относительно очень характерной трансформации взаимоотношений буддизма и небуддийских форм обрядности. Как известно, ранний буддизм крайне негативно относился к музыке, танцам, а теперь обряды, в частности, демонического культа, мирно уживаются в общественной практике с буддийскими.

Высокоразвитая древнеиндийская астрономия, корни которой следует искать еще в протоиндийской культуре, оказала существенное воздействие на формирование аст-

рономических познаний сингалов и внесла определенный вклад в развитие ланкийского астрологического культа, который по сравнению с индийским отличается специфической законченностью ритуального оформления. В быту сингалов астрологу отведена немаловажная роль: именно к нему обращаются за консультацией в самых важных житейских ситуациях, непременно соотнося принимаемые решения с положением небесных тел. Ритуал *бали*, подобного которому не существует в Индии, обладает устойчивым набором иконографических приемов в основном индийского происхождения, но система их рекомбинации вполне самобытна и сближает технику, в частности, горельефного изображения с искусством изготовления ритуальных и театральные масок.

Сложное переплетение индуистских веяний, североиндийской махаяны и верований коренного населения Ланки ощутимо в сингальском культе богов-покровителей. Его пантеон, помимо основных фигур, включает множество божеств локального происхождения, которые, как считается, покровительствуют данной деревне, местности и т. п.

Если история ланкийского буддизма разработана достаточно основательно, то его повседневной культовой практике до сих пор не уделялось достаточного внимания, и книга Н. Г. Краснодембской в значительной степени восполняет этот пробел. Примечательно, что сингальские националисты, отождествляя национальное единство страны с религиозным, используют буддийское вероучение как возрат к «истинным» духовным ценностям. Однако, как замечает автор, несмотря на развитую систему буддийского образования, сложная философско-этическая проблематика буддизма не стала культурным достоянием широких слоев общества, остающегося «на фольклорном уровне» познаний (с. 103).

Несомненную ценность для специалиста представляют отмеченные исследователем постепенные изменения в буддийской культовой практике, инкорпорировавшей индуистские ритуальные установления наряду с приемами народных культов. Праздничные обряды и игры современных сингалов также соединяют в себе мифологические представления и элементы ритуалов, крайне разнородных по своему происхождению и времени возникновения. Так, широко практикующиеся поныне торжественные шествия, где довольно ясно прослеживается календарная и сельскохозяйственная символика, восходят к одной из самых архаических форм индийского празднества. Важнейший ритуальный момент в сингальской празднично-календарной системе — праздник Нового года, отмечаемый в сельских местностях как праздник урожая, не имеет прямого соотношения ни с народной культовой практикой, ни с буддийской обрядностью. Значительный отход от буддийских обрядов обнаруживает и большинство родственных древнеиндийским ритуальных комплексов, сопровождающих от начала и до конца жизнь каждого индивидуума (рождение, возмужание, свадьба и т. п.) и обеспечивающих в соответствии с религиозной системой мировосприятия упорядоченное существование общества в целом.

Книга Н. Г. Краснодембской о традиционном мировоззрении сингалов полезна и необходима специалистам-индологам, поскольку она представляет читателю не только уникальные (иногда — основанные на собственных впечатлениях) описания множества актуальных для сингальской действительности обрядов и представлений, но и надежную реконструкцию их исходной структуры, как бы ни была она осложнена последующими напластованиями. Сочетание синхронического и диахронического методов исследования органически дополняется последовательным соблюдением в работе двух взаимосвязанных принципов интерпретации этнографического материала: с одной стороны, оценок непосредственной реализации религиозно-магических представлений сингальского народа, с другой — детального научного осмысления идейного «фона», лежащего за пределами народного мировоззрения и подлежащего выявлению исследователем. Тщательность в использовании научной литературы, знание сопряженной проблематики (в частности, индуистской) сообщают культурно-исторической ретроспективе, намечаемой автором, необходимую достоверность. Внимание фольклористов, несомненно, привлекут сведения о народных переложениях древнеиндийской «Рамаяны», свидетельствующих о процессе соединения индуистских воззрений с традиционными верованиями сингалов (с. 10—12), о фольклорных вариантах буддийской «Весантара-джатаки», используемых в похоронном обряде в качестве траурных песнопений (с. 172), о несопадающих с индуистской традицией народных вариантах мифа о боге-воителе Сканде (с. 81—84). Привлекаемые для подтверждения выводов об обрядовых установлениях сингалов многочисленные параллели из ритуальной практики индуизма и раннего буддизма уместно дополняются в монографии данными общерегионоведческого значения. В частности, Н. Г. Краснодембская указывает на традиционное отождествление различных локальных божеств с более популярными мифологическими фигурами и сложение в итоге гетерогенного образа (с. 79—80), на мультиплицированные представления, связанные с тем или иным объектом почитания (с. 92), на типологию обрядов в разных культах. Добротный иллюстративный материал — описания ритуальных церемоний (к примеру, демонического и астрологического культа — с. 43—46, 74), умело выполненные переводы сингальской рукописи конца XIX — начала XX в. (с. 115—121), палийской сутры (с. 126—129), а также народных обрядовых песен (с. 176—178) делают строго научное исследование Н. Г. Краснодембской доступным широким читательским кругам. Список работ, использованных в монографии, насчитывает 329 названий и, без сомнения, удовлетворит самого взыскательного специалиста.

Сложная и интересная тема, важнейшие аспекты которой раскрыты в книге Н. Г. Краснодембской «Традиционное мировоззрение сингалов», безусловно, должна быть дополнена в дальнейшем более широкими обобщениями, выявляющими, в част-

ности, целостную картину воздействия религиозных, этических, философских, обрядовых и т. п. взглядов буддизма и средневекового индуизма на формирование сингалского мировоззренческого комплекса. Представляется также необходимым на следующем этапе работы расширить сферу сопоставительного (особенно обрядового) материала других культурных традиций Южной и Юго-Восточной Азии, что позволило бы ярче выявить своеобразие духовного наследия сингалов и выявить его типологические параллели с широким культурным ареалом. Более пристального рассмотрения заслуживает проблема культурного синтеза местных традиций и традиций дравидского Юга, являющегося особым регионом, магико-религиозная практика которого сохраняет ряд уникальных архаических черт.

С. Л. Невелева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

P. Henley. The Panare. Tradition and Change on the Amazonian Frontier. New Haven — London: Yale University Press, 1982. 263 p.

Книга П. Хенлея «Панаре. Традиции и изменения на амазонской границе» посвящена исследованию современного положения индейцев панаре, живущих в штате Боливар в Венесуэле. Панаре не самоназвание племени, а название не вполне ясного происхождения, под которым эти индейцы известны местному неиндейскому населению (креолам, по терминологии П. Хенлея), а также в этнографической литературе. Сами панаре называют себя эньёпа, но так же они называют и соседние племена, за исключением одного из них — хоти. Основное различие панаре проводят между индейскими группами эньёпа и неиндейцами тато.

Подзаголовок книги — «Традиции и изменения на амазонской границе» — поначалу озадачивает, так как из приложенной к книге карты ясно, что панаре расселены в районе, ограниченном с запада и севера р. Ориноко, там, где эта река делает изгиб, меняя свой курс с северо-западного на северо-восточный. Но по мере знакомства с книгой становится ясно, что автор в подзаголовке имел в виду не границу между бассейнами Ориноко и Амазонки, от которой селения панаре расположены довольно далеко к северу, а границы между административными единицами Венесуэлы — штатом Боливар и федеральной территорией Амазонас. Общая площадь, на которой разбросаны селения панаре, достигает 20 тыс. км², но фактически панаре осваивают лишь небольшую часть этой территории, так как живут чересполосно с креолами. Численность последних достигает в этом районе почти 100 тыс. человек по сравнению с 1700 панаре, живших в середине 70-х годов в 38 селениях. В настоящее время большинство их расположено не более чем в полудне ходьбы от креольских поселков и городков, а некоторые из индейских селений отстоят лишь на несколько сотен метров от жилищ пейндейского населения. И несмотря на такое близкое соседство и на контакты, длящиеся по меньшей мере полтора столетия, а в некоторых случаях, возможно, еще более продолжительные, уходящие в глубь колониальной эпохи в истории Венесуэлы, панаре в значительной степени сохранили свои социальные и культурные традиции, отличающие их от местного неиндейского населения. Сопrotивление панаре аккультурации поражаало всех посещавших их исследователей — И. Вилберга, Ж. Дюмона, М. Вильялон. Произвело оно большое впечатление и на автора рецензируемой книги, и он поставил перед собой цель — объяснить причины стойкости этих индейцев к воздействию цивилизации. Такова, по его собственным словам, главная цель его работы (с. XIV—XV).

Чтобы достичь этой цели, автор, сообщив читателю общие сведения о панаре, обращается затем к исследованию различных аспектов жизни и среды обитания этой группы индейцев. В отдельных главах книги рассматриваются экологическая обстановка района и хозяйство панаре, их экономика, семейно-брачные отношения, социальные силы, скрепляющие их общество. Особое внимание П. Хенлей уделяет характеристике и динамике взаимоотношений между индейским и неиндейским населением. Этому посвящены три главы книги. В них исследуются особенности не только общества панаре, но и креольского, так как автор исходит из совершенно правильного положения, что характер и результаты контактов между индейским и креольским обществом определяются экономическими интересами последнего и, не изучив их специфику в той или иной зоне контакта, нельзя понять, почему одни индейские группы быстро исчезают в процессе внутренней колонизации, другие же сохраняют значительную стойкость перед лицом разнообразных внешних влияний.

Кроме восьми основных глав книга включает четыре приложения, в которых дается транскрипция неанглийских (испанских, панаре и латинских) слов, поясняются избранные автором методы организации демографических данных при составлении таблиц населения, приводятся термины родства панаре и даются краткие сведения об истории индейского законодательства в Венесуэле. Книга снабжена также хорошим справочным аппаратом: обширной библиографией, именным и предметным указателями. Заметим, однако, что не все названия глав кажутся нам удачными. Так, если судить по заголовкам, главы 1-я — «Прошлое и настоящее», 7-я — «Недавнее развитие» и 8-я — «Настоящее и будущее» в каких-то своих разделах дублируют друг